

А

Немного истории: «закрытые города» в контексте вызовов «холодной войны»

Ю.В. Аксютин,
доктор исторических наук
В.В. Журавлев,
доктор исторических наук

Выраженная в докладе уважаемого бельгийского коллеги г-на Роме-ра Леметра забота о соблюдении прав человека в нашей стране не может не вызывать самых положительных эмоций. Надеемся, что забота эта распространяется и на народы Югославии и Ирака, в недавнее, памятное всем, время подвергшихся агрессии США с применением «сверх-точного» оружия, созданного в секретных лабораториях и опробованного на закрытых от постороннего взгляда и проникновения американских полигонах. Будучи историками, не можем в этой связи не заметить, что всякая идея и ценность гуманитарного порядка может быть понятой, действенной и оправданной, лишь будучи вписанной в контекст реальных исторических обстоятельств. «Закрытые города» в СССР, появившиеся в суровую пору международной конфронтации на грани войны (с использованием, кстати, как это было уже отмечено в интересном, содержательном докладе г-на Иванова, соответствующего опыта США), были в чем-то неизбежным детищем «холодной войны». Детищем и ее тяжким наследием. И с наследием этим трудно покончить «сразу и навсегда», не провоцируя при этом прямой угрозы безопасности Российской Федерации, для которой сегодня ядерное и другое эффективное оружие является не только фактором сдерживания, но и инструментом упрочения своего статуса в мире. В нашем «прекрасном и яростном» мире, до сих пор не желающем, к сожалению, жить по романтическим заветам архитектора «перестройки» М.С. Горбачева, призывавшего мировых лидеров на место баланса силы поставить «баланс интересов». Итак, что же мы имеем на настоящий момент? Сегодня на территории России насчитывается 42 закрытых административно-территориальных образования (ЗАТО), из них 32 находятся в ведении Министерства обороны и 10 — в ведении Минатома¹.

ИЗ

К числу военных ЗАТО относятся ракетные полигоны, испытательные центры (например, вирусологический под Сергеевым Посадом), а также центры управления (например, войсками противовоздушной обороны в подмосковной Заре, управление космическими аппаратами вооружённых сил в Голицыно-2, или центральный командный пункт системы предупреждения о ракетном нападении в Серпухове-15). Но подавляющее большинство из них представляет собой небольшие посёлки, расположенные неподалёку от больших городов.

Иное дело атомные ЗАТО. И по своим масштабам, и по уровню закрытости и секретности они далеко превосходят военные. Развитие атомной отрасли в СССР и создание советского ядерного оружия невозможно представить без закрытых городов и посёлков, созданных во второй половине 40-х и начале 50-х годов XX века, в условиях, когда угроза ядерного шантажа со стороны США достигла для СССР апогея. Всего было построено 10 подобных населённых пунктов с населением порядка 730 тысяч человек. В Европейской части страны располагались Арзамас-16 (ныне Сэров) и Пенза-19 (Заречный); на Урале — Златоуст-36 (Трёхгорный), Свердловск-44 (п/я 318, Новоуральск), Свердловск-45 (Лесной), Челябинск-65 (Озёрск) и Челябинск-70 (Снежинск); в Сибири - Красноярск-26 (Железногорск), Краеоярск-45 (Зеленогорск) и Томск-7 (Северск). Они по-своему уникальны: аналогов подобных объектов нет в мире. В течение десятилетий эти города жили в понятной тогда изоляции от остальных районов страны.

Развитию атомной промышленности СССР и закрытых городов посвящена уже немалая литература: как в виде монографий и научных статей², сборников воспоминаний и документов³, так и публикаций в периодической печати⁴. Это позволяет говорить о данной теме не сугубо абстрактно, исходя из понятий «хорошо» или «плохо» (еще Н. Макиавелли учил, что в реальной политике чаще всего приходится выбирать не между плохим и хорошим, а между плохим и очень плохим), но конкретно и со знанием дела.

Главным предприятием атомного комплекса стало конструкторское бюро № 11 (КБ-11) при «лаборатории № 2» неподалеку от Арзамаса в Горьковской области. Там занимались разработкой и созданием атомного оружия⁵. Полуфабрикаты должны были производиться на Урале: по 100 граммов в сутки урана-235 должен был получать газодиффузионным методом завод № 813 (Свердловск-44), по 100 граммов в сутки урана-239 методом облучения в атомном реакторе - давать завод №817 (ныне комбинат «Маяк», Челябинск-40, потом Челябинск-65).

И, наконец, высокообогащённый уран для самой бомбы доставлялся с электромагнитной установки СУ-20 на заводе № 814 (Свердловск-45)⁶.

Своеобразие возникновения и развития закрытых городов заключалось именно в их абсолютной закрытости для внешнего мира. Их не было в географических картах и атласах, в открытой печати они не упоминались, а почтовый адрес был закодирован и время от времени менялся: например, Челябинск-40 (объект «А» и строительство № 859) превратился в Челябинск-65 (комбинат № 817), а затем в Озёрск (производственное объединение «Маяк»).

Не существовало в них и обычных органов власти и управления, предусмотренных конституцией. Во многом они напоминали островки ГУЛАГа - также обнесены по периметру ограждением из колючей проволоки с пропущенным через нее электрическим током, повсюду вооружённая охрана из внутренних войск и неперенные контрольно-пропускные пункты. Да и возникали они и первое время существовали как составная часть этой системы - строительные организации, возводившие все эти объекты и всю их инфраструктуру (дороги, электричество, связь, производственные, жилые и культурно-бытовые здания), входили в систему Министерства внутренних дел и их личный состав делился на две части: заключённых и свободных граждан. Последние тоже были ограничены в некоторых из своих свобод (прежде всего в свободе передвижения и переписки), но обладали всеми гражданскими правами, в том числе правом объединяться в общественно-политические организации — профсоюзы, комсомол и т.п.. Существенную роль в их деятельности играли партийные организации, но ими руководил не выбранный комитет, как в обычных местностях, а политический отдел, назначаемый из центра, руководимый им и ответственный перед ним.

Место для завода № 817 выбрали в глухом красивом месте среди гор между старыми уральскими городами Кыштым и Касли, на берегу озер Иртяш и Кызылгащ, из которых вытекает речка Теча. Выбирал его лично заместитель министра внутренних дел А.П. Завенягин. Леса, укрывающие площадку от чужих глаз, достаток воды, а также близость железной дороги и электропередачи были его аргументами. Научный руководитель всего атомного проекта И.В. Курчатов выбор одобрил. Летом 1945 года место будущей строительной площадки осмотрели министр внутренних дел Л.П.Берия и другой его заместитель Б.Л.Ванников⁸.

Постановление Совнаркома за № 229-100 сс/оп о его создании И.В. Сталин подписал 28 января 1946 года. Даже в этом совершенно секрет-

ном документе, хранившемся к тому же в особой папке («сс/оп»), доступ к которой без личного разрешения вождя был невозможен, понять что-нибудь человеку постороннему было невозможно: в нём речь шла о проектировании «вертикального и горизонтального агрегата типа № 1 («проект № 1859» горно-обогательного завода)»⁹. Чуть позже его станут именовать «объект № 859», затем — комбинат № 817. Ныне он известен как производственное объединение «Маяк»¹⁰. Специальное постановление Совета министров СССР о его строительстве было подписано 23 марта 1946 года, а в октябре туда прибыли первые 40 специалистов". В 10 километрах от объекта стали возводить город, получивший имя Берии (почтовый код Челябинск-40, потом Челябинск-65). Строили всё это 70000 заключённых из 12 лагерей ГУЛАГа¹².

Работа с ними имела свои особенности и была, по признанию ветерана стройки И. Бугримовича, особенно поучительной. «С заключёнными, во-первых, нельзя заигрывать, во-вторых, их нельзя обманывать. Обманешь — потеряешь авторитет - всё. Могут даже в карты проиграть. Лучше всего такого руководителя быстро убрать. Мне заключённые сами рассказывали, как они на гидроузле забетонировали одного прораба. Только через два года, когда кто-то «раскололся», его выдолбили. «Как живёхонький, - говорят, - стоял». Мне в конце концов удалось установить с ними нужные отношения... Сам пахан ко мне не подходил никогда. В хромовых сапожках, в костюмчике с иголочки, он стелил кошму и весь день сидел на дне котлована. При нём партнёр для игры в карты и человек для поручений. То есть не работал. Но если к нему подходили и жаловались, что не хочет работать кто-то другой, меры принимались незамедлительно...»¹³

Когда наступал срок освобождения заключённых, их из соображений секретности с объекта не отпускали и вынуждали таким образом работать на комбинате¹⁴. В 1947 году директором строящегося предприятия был назначен заместитель начальника Первого главного управления (ПГУ) Совмина СССР Е.П. Славский¹⁵.

19 июля 1948 года был пущен агрегат № 1 или, как его ещё именовали, «завод А» (физики называли его «Аннушкой») - первый советский промышленный атомный реактор мощностью в 100 мегаватт¹⁶. Он был уран-графитовый и размещался в 5-этажном подземном здании, а управление им находилось в отдельном наземном здании. В завершающий период его возведения на площадке наряду с директором Е.П. Славским почти неотлучно находились научный руководитель проекта И.В. Курчатов, начальник ПГУ Б.Л. Ванников и его замести-

тели А.П. Завенягин и А.Н. Комаровский¹⁷. Два последних кроме того были: один - заместителем министра внутренних дел СССР, другой — начальником Главпромстроя МВД СССР¹⁸.

Закрытость объекта, его изолированность от внешнего мира создавали немалые неудобства и даже трудности не только для рядовых работников, но и их начальников. 5 августа 1948 года уполномоченный Совмина генерал-лейтенант МГБ Ткаченко писал секретарю ЦК ВКП(б) и заместителю председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкову: «Руководящий состав строительства № 858 и комбината, находясь в специфически режимных условиях, объясняемых особой секретностью, лишён возможности знакомиться с международным положением и текущими событиями из источников, идущих по закрытой сети и получаемых территориальными областными и городскими почтовыми отделениями». Мало того, «исключена возможность использования приезжих лекторов». Поэтому генерал просил выделить для присылки сюда фельдсвязью по 1 экземпляру информационных бюллетеней ЦК и секретных сообщений ТАСС. Получив мнение заместителя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК Л.Ф.Ильичёва о поддержке просьбы в отношении бюллетеня ЦК, Маленков 27 сентября пишет резолюцию: «На Секретариат»¹⁹.

Новое дело ставило множество проблем в процессе эксплуатации. Случалась утечка охладителя в графит, из-за перекрытия доступа воды топливо перегревалось и прилипало, уран под действием нейтронов «распухал», спекались материалы, корродировали алюминиевые каналы. В конце 1948 года такая неприятность привела к невозможности перезагрузки реактора, и пришлось извлекать из него около 39000 урановых цилиндров руками. Люди, занимавшиеся этой адской работой в центральном реакторном зале, получили высокие дозы облучения. Были и трагические последствия, о чём старательно замалчивали. Вскоре после пуска второго реактора что-то случилось с тяжёлой водой в теплообменниках. Главный инженер Е.П. Славский высказал предположение, что вода эта замёрзла, но разработчики «Аннушек» во главе с академиком Н.А. Доллежалею отвергли эту мысль. Славский продолжал настаивать, но так как убедить не смог, вошёл в зону радиации и положил руку на теплообменник. И версия его подтвердилась²⁰.

Затем пустили в эксплуатацию завод «Б». Он также находился под землёй («здание 101»). На нём из облучённого в реакторе урана радио-химическим способом должны были выделять плутоний. Освоение этого производства шло медленно: большая поверхностная площадь

технологических установок, трубопроводов и другой аппаратуры была причиной его оседания на стенках ёмкостей, и он «пропадал», так что получали его в миллиграммах. Один из ветеранов — М. Гладышев вспоминал, как трудно было извлекать этот металл из обилия примесей: «Первую порцию готовой продукции в виде пасты мы соскабливали ложкой с нутч-фильтра... Заложили пасту в эбонитовую коробку и передали её заводу-потребителю. Сколько плутония там было, мы не знали, да и знать нам не рекомендовалось. Даже потом, когда я был уже главным инженером объекта, количество плутония, заложенного в плане, было известно только начальнику, а вся документация готовилась только в одном экземпляре»²¹.

Следующий объект — завод «В» — предназначался для изготовления деталей из плутония для бомбы. 5 августа 1949 года начальник цеха В. Зуев и Е. Славский, разжалованный к этому времени из директора в главного инженера комбината № 817, подписали акт об изготовлении составных частей плутониевого заряда. И в тот же день его утвердил новый директор генерал Б. Музруков. А 8 августа эти детали под усиленной охраной были отправлены в Арзамас-16 для окончательной сборки. 29 августа «изделие 501» было успешно испытано²².

Так как плутония требовалось много, понадобились более мощные реакторы. Ими стали установки АБ («Иваны»). Первый из них заработал 15 мая 1950 года, второй — через год, а в конце 1952 года на комбинате их было уже 6. Строились они и потом. Директор реакторного завода В.И. Солодовников рассказывал: «На наших реакторах начинали те, кто потом уезжал в Томск и Красноярск. И это естественно, потому что Челябинск-40 был первенцем и на нём «отшлифовывались» вес грани атомной промышленности страны. Да, к сожалению, это досталось очень дорогой ценой и стоило жизни тысячам людей, но первопроходцы всегда платили и будут платить самую высокую цену»²³.

Строились и подземные хранилища для радиоактивных отходов²⁴. В 1949 году Славский был отозван в Москву, а его заменил Б.Г. Музруков²⁵. Он до этого возглавлял «завод-заводов» — «Уралмаш», на котором во время войны успешно организовал производство бронекорпусов для танков, а потом и полный цикл производства танков и самоходок²⁶.

В начале 50-х годов было принято и оформлено постановлением Совета министров СССР решение построить ещё два секретных объекта на Урале: Златоуст-20 (36) и Челябинск-50 (70). Благодаря этому там создавался полный цикл производства ядерного оружия, и чтобы этот цикл завершить, решили организовать там своеобразный дублер

Арзамас-16. Так появился НИИ-1011 (п/я 0215) — научно-экспериментальный центр, в задачи которого входила разработка ядерных зарядов и боеприпасов, а также научно-исследовательские работы по физике ядерного взрыва. Он был создан приказом министра среднего машиностроения Завенягина от 5 апреля 1955 года НИИ-1011 (п/я 0215) и расположился на месте, где до этого с 1947 года существовала лаборатория «Б» Уральского атомного комбината на озере Сунгуль у восточного подножья Вишнёвых гор, рядом с городом Касли, в которой под научным руководством Н.В. Тимофеева-Ресовского занимались радиационно-биологическими исследованиями, изучали влияние радиации на живые организмы.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 марта 1954 года закрытым территориям Министерства среднего машиностроения предоставлен статус города. Политотделы поделились частью своих функций с исполнительными комитетами городских советов депутатов трудящихся. Постановлением Совета министров СССР № 967-517сс от 17 июля 1956 года политическое управление МСМ и политотделы предприятий были упразднены, а вместо них постановлением ЦК КПСС было решено образовать городские комитеты КПСС, которым и было поручено выполнять задачи прежних политотделов. В августе 1956 года на всех объектах состоялись городские партийные конференции, на которых и были проведены выборы этих комитетов.

В 1950 году на заводе № 817 в Челябинске-65 врачи выявили первые два случая лучевой болезни, которую называли «пневмосклероз плутониевый». Всего же было зарегистрировано 120 её случаев. Удивительной бесшабашностью и пренебрежением к опасности отличались руководители. Когда в одной из лабораторий взорвалась колба с плутонием, академик А.А. Бовчар лично смывал его в бачок с потолка, боясь потерять хотя бы миллиграмм драгоценного металла. Но всё-таки руководители попадали в опасные ситуации эпизодически, ведь они в основном занимались административной работой, часто уезжали. В группу риска входили в основном молодые девушки, работавшие с обычной лабораторной посудой в помещениях с обычными вытяжными шкафами. «И самое страшное, — рассказывали потом медики, — когда мы научились распознавать эту болезнь и стали выводить людей из производства, они сопротивлялись, не хотели бросать работу»²⁷. Между прочим, опасность заболевания у вольнонаёмных была больше, чем у заключённых, поскольку они не работали в цехах. Очень опасным был сброс аварийных радиоактивных отходов в реку

Тема. В результате в 1947 — 1952 годах жители окрестных деревень (на пример, Метелино) получили большие дозы, а отселять их начали очень поздно. Слухи об этом стали обрастать домыслами, говорили даже о 965 случаях лучевой болезни. На самом деле, при верификации, проведённой совместно с американскими учёными, таких случаев оказалось всего 65. Авария же в сентябре 1957 года в хранилище жидких радиоактивных отходов, о которой сегодня тоже можно многое что услышать, была ликвидирована гораздо лучше: и своевременно отселили людей, и сразу же установили за ними контроль. Не было выявлено ни одного случая лучевой болезни. Всего же за время существования «Маяка» было зарегистрировано 2,5 тысячи случаев этой болезни, в течение 45 лет от нее умерло 665 человек (65 от острой и 600 от хронической)²⁸. Правда, в печати пятнадцать лет назад появились неподтвержденные до сих пор документально сведения о 124000 облучённых, в том числе 28000, получивших сверхмощные дозы²⁹.

Работники комбината получали гораздо большую зарплату, чем и соседних Челябинске и Свердловске, а к тому же имели широкие во всех отношениях возможности с толком и пользой её истратить — в магазинах города фактически не было дефицита. Им показывали все новейшие фильмы, выходящие на экраны страны. Но вот пригласить к себе театральным или эстрадный коллектив на гастроли они не могли. Один из авторов этой статьи, будучи в 1967 году в журналистской командировке в Челябинске, интересовался у первого секретаря обкома ВЛКСМ В. Поляничко относительно возможности съездить в один из трёх закрытых городов, расположенных в области, для встречи с читателями. Наивно сообщив ему, что у него есть допуск к государственным тайнам по форме № 2, получил такой ответ: «И формы № 1 недостаточно». Правда, год спустя Поляничко организовал такую встречу, но у себя в кабинете: желающих встретиться с журналистом привезли специальным автобусом.

В 1987 году ПО «Маяк» имело 5 промышленных реакторов по производству плутония для военных нужд³⁰. Наступила пора их закрытия. Из «Иванов» выгрузили топливо, заменили все «сборки» внутри, установили водоводы для прямоточного охлаждения, демонтировали пульта управления. В 1993 году был остановлен последний реактор «Руслан», возведённый в 1978 году, и равного которому в мире не было. Что делать с этими реакторами дальше, будут решать лет через 20 — 30, пока не спадёт радиоактивность графитовой кладки, а пока все комплексы нуждаются в постоянной и тщательной инвентариза-

ции», в слежке за тем, чтобы сточные и подземные воды не взаимодействовали с корпусом³¹.

Согласно данным Томаса Кохрана из Совета по защите природных ресурсов США, в Челябинске-65 было произведено 58 тонн оружейного плутония (для сравнения - в Красноярске тоже на одном реакторе 45 тонн, а в Томске на двух реакторах 74 тонны)³².

С 1976 года здесь действовал единственный в стране завод по регенерации отработанного ядерного топлива (в 1985 году второй такой завод стал строиться в Красноярске-26³³). До 1992 года было остекловано 100 миллионов кюри высокоактивных ядерных отходов. Сваренные в специальной печи со стеклом и «запакованные» затем в стальную тару слитки - наиболее удачный и дешёвый способ подготовки их к безопасному хранению. При создании ядерного щита страны этих отходов только на Южном Урале накопилось и продолжало храниться в ёмкостях без малого 600 миллионов кюри. Именно эти страшные «запасы» с 1993 года пошли на убыль³⁴.

Помимо этого в структуру ПО входили: завод по производству радиоактивных изотопов и изделий из них, опытная научно-исследовательская станция радиобиологического профиля, завод по очистке низкоактивных стоков, комплекс по отверждению и хранению высокоактивных отходов, хранилища и могильники отработанного ядерного топлива реакторов³⁵.

Хранилище представляет собою огромный бассейн, экранированный со всех сторон нержавеющей сталью, гранитом и бетоном, где под многометровым слоем воды покоятся циркониевые контейнеры с отходами выгоревшего на 50-60 процентов топлива с собственных реакторов и с реакторов атомных электростанций³⁶.

Радиоактивность накопленных там отходов измеряется 1200 миллионами кюри³⁷ (для сравнения: чернобыльский выброс составил 50 миллионов кюри). Ещё примерно 23 миллиона кюри в результате аварий и бездумного обращения с радиоактивными отходами загрязнили, по некоторым сведениям, территорию размером более 23 тысяч километров и с населением в полмиллиона человек³⁸. К началу 90-х годов объединение «Маяк» занималось только переработкой радиоактивных отходов, а жителей в Челябинске-65 было 61400 человек³⁹.

Таковы реальности, доставшиеся нам в наследство от «холодной войны». Реалии острого противоборства двух сверхдержав. Драма психологического, политического и военно-технического «перетягивания каната», не переросшего в атомную катастрофу — признаем это! -